

АПЕЛЬСИНЫ НЕ ОБМАНЫВАЮТ

Публикация в рамках совместного проекта журнала
с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).

АННА НИССЕЛЬ
Родилась в горах Навназа,
живет на Уральском
плато, в Екатерин-
бурге. Журналист, продюсер
и редактор СМИ, сейчас
работает в кино. Финалист
литературных и драматурги-
ческих конкурсов.

Своего детства Зойка не помнила вообще. Начала она помнить себя с тех дней, как вернулась к матери, помогать той с младенцем. Вот его детство Зойка помнила отчетливо: кормила, качала, меняла, стирала, водила за подвязки по комнате...

Мать родила Зойку в шестнадцать лет от заезжего инженера, очень рассчитывала уехать с ним в город. Но инженер уехал один, не дождавшись Зойкиного рождения. Мать все равно записала дочь на него и уехала сама, оставив ее своей матери, Зойкиной бабушке – тридцатипятилетней развеселой доярке Малашке. В сорок два Малашку схоронили, а Зойку отправили к матери, в соседнюю деревню.

Мать сначала была очень рада – еще один ребенок раздул ее живот так, что трудно было просто встать, что уж говорить о хлопотах с двухлетним и годовалым Зойкиными братьями.

Когда Зойке стукнуло двенадцать и отчим пару раз хватил ее за зад, перепутав (перепутав ли?) со спины с матерью, мать решила отправить Зойку к двоюродной сестре в подмастерья. Говорили, что тетка Марина очень хорошо устроилась в городе.

Тетка Марина была модисткой. Легкой, громкой, яркой. Она любила красивую жизнь и жила красиво. В ее комнате в бараке, но почти, почти в центре города (там за три дома уже и трамвай ходит), таились несметные сокровища, никогда не виданные Зойкой.

Посреди комнаты стоял круглый стол под вязаной скатертью. На столе – хрусталь! – ваза для фруктов, но в ней цветные катушки ниток, чтоб не пустовала в будни.

У двери с одной стороны шкаф цвета свеклы, с зеркалом на средней дверце, на шкафу круглые коробки – для чего вообще такие? С другой стороны двери комод с часами. Над комодом большая фотография – тетя Марина, молодая и испуганная, и тети-Маринин большой, красивый муж с довольной и уверенной ухмылкой. Букетик в руках невесты раскрашен голубым и розовым.

У стола – диван, тоже невиданный: высокая спинка в раме, а по центру сверху, как корона, зеркало. Зеркало старое, в пятнах мутной амальгамы, но всегда блестит, отражая окно.

Комнату разделяла занавеска. И тоже не просто так занавеска – с бахромой и прихватом, «как в тياتрах». А за ними самое ценное – ножная машинка «Зингер» и кровать.

Кровать как у царей. Это Зойка сразу поняла! Не шербатый мамин сундук и не скамья бабушкина, а кровать – с блестящими хромированными спинками, с высокой, до пупа, периной, с пирамидами подушек, и по их острым вершинам нежный воздушный тюль.

Зойка и надеяться не могла на такое счастье, чтоб просто полежать на ней, поэтому и спраши-

вать не стала. Была б у нее такая кровать, она бы тоже никого не пустила!

Тетя Марина читала письмо и цокала языком. Придирчиво осмотрела Зойку на предмет вшей и прочих неприятностей, но не выгнала. Мать не сообщила, что делать в случае, если б тетка выгнала, и Зойка очень переживала и нервничала от неизвестности. Но тетка разрешила спать на диване и обещала даже устроить в ателье – подметать и мыть пол.

В ателье Зойку приняли не очень, но вскоре перестали задирать и замечать. Ей всегда можно было поручить любое неприятное дело, и она никогда не спорила, споро и скоро все выполняла, а потом сидела, почти невидимая, в уголке.

В канун нового, 1947 года тетя Марина пришла домой, достала из сумочки флакончик с зеленым «Шипром» и бланк справочной службы. Зойка было уже протянула руки к флакону – таких она еще не видала, но тетка одернула:

– Руки прочь! Это мужской одеколон! – и протянула взамен бумажку:

«Милованов Николай Иванович, улица Красноармейская, дом 42, квартира 8».

Это был адрес Зойкиного отца.

– Иди, – сказала тетка. – Праздновать будешь у отца. Некогда мне тут будет. Постучись и скажи: «Папа, здравствуй! Я к тебе на праздники!» Добраться легко – через три дома на второй номер на пятой остановке выйдешь. Три плюс два – пять. Адрес не потеряй!

Зойка очень постаралась и запомнила все цифры – и трамвай, и остановки, и дом с квартирой. Оделась и поехала.

Город готовился к новогодней ночи. Было морозно и торжественно. Зойка тоже готовилась к торжественной встрече с отцом.

Нужная остановка была у желтых каменных домов с огороженными коваными заборами дворами. Вход через арку, рядом кованые же ворота.

Зойка видела такие дома только из окон трамвая, когда тетка брала ее с собой к заказчицам на примерку. А тут – папин дом. Папин – это же почти ее?

До сих пор Зойка робела от радости, когда поднималась на второй, а то и третий этаж и смотрела оттуда в окно, сверху, как, должно быть, птицы или ангелы. А квартира номер 8 как раз была на третьем!

Зойка постучалась. Потом заметила звонок и позвонила, в первый раз сама. Дверь открыла седая баба в фартуке и с перевязанным горлом.

– Тебе кого?

– Милованова Николая Ивановича.

– А сама кто? От кого?

– Милованова Зоя Николаевна.

Баба онемела и закрыла дверь. Зойка растерялась, но стучать снова не решилась. В теткинском плане такого варианта событий не было, и Зойка занервничала от неизвестности своей судьбы.

Дверь открыл мужчина, грузный, лысеющий, в очках, в костюме, но в тапках. Открыл и жестом пригласил в квартиру.

В квартире все искрилось! Света было много, он отражался в зеркалах, вазах, бокалах, елочных игрушках и в мишуре. И запах... Совершенно незнакомый, колкий и приятный.

Здесь ждали гостей.

И неужели ее, Зойку, ждали тоже?

Отец провел Зойку на кухню, там она сняла валенки и пальто и держала пальто на коленях, пока отец ушел обратно к елке, а Марфа наливала ей чай.

«Ух, командир! – гордилась отцом Зойка. – Как он ей... “Марфуша, сделайте девочке чаю, я на минуточку...”»

Зойка грела руки о горячий стакан и исподволь оглядывала кухню – сколько тут всего! И это только его? Или тут и соседское?

Окна из голубых стали белыми: морозные узоры почти полностью закрывали черноту за окном, тьма пробивалась только в открытую под потолком форточку.

Отец вернулся и позвал Зойку в комнату.

Там на диване сидел малыш и очень прямая и красивая женщина, в белом, как невеста. Вдоль стола ходил пятилетний мальчик, иногда смотрел на Зойку поверх белоснежной скатерти, а иногда забирался на стул и тянулся за яркими шарами в вазе.

– Коля, не смей трогать апельсины! Дедушка их с таким трудом добыл, чтобы был тебе праздник!

– Зоя, знакомься, это Антонина Михайловна, моя жена, а это Коля и Толя, твои братья.

Антонина Михайловна стала еще прямее и еще красивее.

Некоторое время все молчали. Даже маленький Коля перестал тянуть руки к апельсинам.

– Где ты живешь? – спросил отец.

Зойка рассказала, что живет у тетки, что работает в ателье и скоро определится в вечернюю школу, а пока ждет, как ей изладят документы.

– Николай Иванович, в полвосьмого придут Голубородьки, а они весьма пунктуальны, – не

теряя ледяной красоты, раздраженно сказала женщина.

– Да, конечно, конечно! Зоя, уже темнеет, скоро ведь и Новый год. Тебе надо успеть еще добраться до дому.

Зойка послушно вскочила, но немного растерялась – столько дверей, столько света, блеска, мишуры.

Как она вообще могла подумать, что это для нее! Тетка права – простота хуже воровства. По-напридумывает вечно эта Зойка и выглядит потом смешно и глупо в своих штопанных носках из семи разноцветных остатков пряжи.

– Зоя, возьми апельсин. – Отец выбрал самый верхний, самый большой и вложил Зое в руку.

– Ах так! – вскрикнул Коля, залез под стол и начал реветь.

– Ну, ты молодец, Николай Иванович! Добреньким за чужой счет хочешь быть? – вдруг взвизгнула белая красавица.

Зойка сразу вспомнила, где валенки и где вход.

Она стояла посреди двора на пересечении двух тропинок и смотрела на этот дворец. Он не переставал быть прекрасным и даже стал еще волшебнее, а окна папиного дома сверкали ярче всех.

Сильно мерзла рука – в руке апельсин, и варежку колючую не натянешь. Зойка понюхала апельсин – такой же колкий и приятный запах, как у папы дома.

У мамы пахло квашеной капустой и печеной картошкой. Зойка зажмурилась и, вдыхая этот запах счастья, праздника и чуда, укусила ноздреватый твердый апельсиновый бок. Горечь его сочной толстой корки брызнула в рот. Зойка от испуга села в сугроб и стала набивать, тереть снегом рот. Дикая обида душила ее. Она схватила упавший апельсин и швырнула его вглубь двора, в самую черноту. Апельсин беззвучно оставил черную точку в синем снегу. Зойка, рыдая, бежала домой. Другого плана у нее не было.

Тетя Марина сидела за столом, напротив должен был сидеть кто-то, для кого стоял среди капусты, колбасы, хлеба и бокалов флакон «Шипра». Уже час как тетя Марина поняла, что опять одна и новогоднего чуда не будет, но не было сил встать.

Наконец она поднялась, взяла флакон «Шипра» и спрятала его в ящик комода. Из другого ящика достала свой парадный свадебный портрет и повесила его обратно, над часами.

– Так и помру твоей единственной. Ты этому радуешься? – спросила она мужа устало.

Подошла к окну, раздвинула занавесу, открыла форточку и закурила. Что-то показалось ей странным: некоторое время она глядявалась в ночь, потом выбежала, даже не накинув пальто, навстречу ревушей Зойке.

– Зоя, господи! Зоя! Что случилось? Что? – Тетя Марина осматривала и трогала Зойку до самых валенок и плакала сама.

Дома она сняла с ревушей Зойки платки, валенки и пальто, усадила на диван, налила воды. Зойка еще не могла говорить и икала, стучала зубами о стакан.

– Он хотел... он... он хотел меня... меня отравить!

– Кто? Отец? Твой отец? Да ты что! Как? Чем?

– Он... он... дал... дал мне... ап... ап... апельсин! Отравить! Хотел отравить!

– Апельсином? – Тетка засмеялась. – Зойка! Какая же ты деревня! Учись! Заклинаю – учись! Темнота ты! Ну, смотри!

Тетка достала из комода завернутый в бумагу шар. Развернула – апельсин. Зойка вжалась в диван. Тетка начала чистить апельсин, он брызгал во все стороны пахучим маслом. Тетка отломилась дольку и положила первый кусочек себе в рот. А второй – в рот зажмурившейся Зойке. Зойка жевала, смеялась и плакала. Все-таки апельсины не обманывают и пахнут счастьем.

Тетя Марина потушила свет, зажгла свечу и показала Зойке невиданный салют: корки апельсина были сочные и щедрые, мелкие брызги сгорали в пламени свечи.

Зойка засыпала, счастливо улыбаясь: тетя Марина положила ее на своей кровати, а пуховая перина и тяжелое одеяло обнимали ее тепло и нежно, как любящие родители.

11-12.11.2021

